

ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ И МОЛОДЁЖЬ

Ольга Чернорицкая

Молодёжь, в прямом соответствии с тезисом Исидора Изу, стала «пролетариатом общества потребления», а пролетариату, как известно, нечего терять, кроме своих цепей. Отсюда просто-таки элочкилюдоедская тяга ко всему, что кажется содержанием, не являясь таковым, — к красивым «погремушкам», счастливые обладатели которых получают пропуск в молодёжную субкультуру. Общество потребления — социальный организм, работающий на производство, которое можно с полным основанием назвать целью-в-себе. Оно претендует на приобретение репутации полезного и содержательного, не являясь таковым.

Пока мы радуемся первым успехам нашей уставшей от кризисов экономики и умиляемся растущему богатству государства, молодые люди спешно избавляются от бремени лишних знаний. Так им легче усваивать культуру, которую предлагает нынешний рынок. Знания по истории отечества только помешают наслаждаться выпекаемыми на скорую руку историческими романами, лишние знания в политэкономии не дадут безмятежно радоваться инновационным методам экономики, а знания из области русской грамматики не позволят спокойно смотреть рекламу.

В свою очередь, лишние знания молодёжи вообще не нужны нынешнему производителю многочисленных товаров и услуг. Из молодых людей производители игр, медиа, компьютеров, мобильных телефонов спешно создают общество потребления,

не оставляя покупателям времени на занятия, требующие дополнительного оснащения, за которое производители желают получать деньги и наращивать свои обороты и мощности. Мы были в этом отношении обществом недопотребления: ходили в библиотеки и читали книжки, не принося никакой прибыли.

Общество потребления характеризуется:

- а)** избыточностью приспособлений для тех действий, которые могут совершаться при меньших тратах;
- б)** ориентацией на непрерывное производство новинок, глядя на которые, молодёжь кричит: «Круто!» и покупает, а если это не «круто», но практически, что соответствует лишь покупательским вкусам поколения недопотребителей-консерваторов, — то это «отстой»;

в) всесторонней поддержкой инновационного мышления (мода как механизм манипулирования сознанием);

г) финансовыми ловушками, самой невинной из которых выглядят многочисленные «лохотроны» типа мобильных конкурсов «угадай призовое число от 1 до 100 000 000 с подсказками, — слева оно или справа», за каждую из которых молодые люди с удовольствием отдадут по доллару или половине — и в результате всё-таки выигрывают (получают картинку или мелодию на мобильник!);

д) статусной поддержкой неразборчивого потребителя (прилично иметь лишь самое дорогое, сколь бы функционально излишним оно ни было).

По сути, само производство выбрало молодёжь, как самую податливую прослойку, и требует её «экономизации». Если и есть среди молодёжи не избалованные материальными благами, то они, выключенные из общества потребления, оказываются за рамками субкультуры. Исправить положение можно, на их взгляд, лишь уподобившись сверстникам. Они открывают в себе внутренние ресурсы, чтобы стать успешнее. А для этого нужно быть послушнее: внимательно прислушиваться к работодателю и веяниям времени, читать то, что сегодня вышло из типографии, получило престижную премию; слушать лишь последние хиты, играть в социальные игры, в которые играют миллионы сверстников.

Общество не даёт человеку возможности быть недопотребителем, оно сковывает его и делает механизмом, приложением к компьютерам, мобильникам, не собственно человеком.

В нашей стране были уже попытки заменить общество потребления потребительским стандартом. Жестоко, но справедливо взбунтовалась именно молодёжь. Понятие «трудный подросток» в советское время стало не столько психологическим, сколько социальным. Подросток, решающий своими силами социальные проблемы, мог и не иметь психологи-

ческих отклонений, хотя, согласно теории А. Маслоу, они неизбежны в случае подавления способностей и невозможности самореализации. Выразитель социального протеста — «трудный подросток» — самоактуализировался лишь тем, что, нагрубив старшим, отрастил себе волосы и надел джинсы; так он воспротивился потребительскому стандарту. Но подросток оказался здоровее сдерживающего потребление общества: он унаследовал от своих дедов полноценную психологическую структуру потребностей, направленных на обновление. «Трудный подросток» первым воспротивился и потребительскому стандарту в книжной торговле, пионерско-комсомольской журналистике. Зная, что его родители и старшие братья читали классику, он отклонил и её. Поскольку литература для молодёжи обновляется куда медленнее, чем происходит смена поколений, то серьёзное чтение оказалось для молодых в разряде непрестижных занятий. Подстёгивать писателей, чтобы они работали на общество потребления, — тоже ту-пиковая задумка. Во-первых, — качество, во-вторых, — время. Можно сколько угодно в рамках молодёжного читательского универсума объявлять конкурсы на лучшее произведение для подростков — при нынешнем темпе жизни произведения будут устаревать раньше, чем смогут реально дойти до читателя. К тому же одобренная зрелым обществом игровая молодёжная модель может оказаться недостаточно интересной для молодых как признанная в качестве эталона представителями старшего поколения. «В силу полного обесценивания навыков советской жизни, предки не могли научить потомков ничему вообще, — категорично заявляет К. Крылов, — даже привить им свои кулинарные привычки, поскольку и еда стала другой. С другой стороны, «новая жизнь» настала для всех сразу. Её освоением занималось всё общество в целом. Все, невзирая на возраст, попали в ситуацию «молодых», но без преимуществ молодости»¹.

¹ Крылов К. Молодёжь: введение в проблематику. АПН, 2005.

Полноценное партнёрство в обществе потребления укрепило подростков в праве считаться взрослыми.

Проблема детской взрослости стара как мир. «Ребёнку можно говорить всё», — считал Достоевский и всегда держался этого правила. Его герой Коля Красоткин на равных серьёзничает с Алёшей Карамазовым, а сам Достоевский, находясь в почтенном возрасте, говорит двадцатилетней девушке «о том, как он четверть часа стоял перед боязнью смертной казни», то есть о самых страшных минутах своей жизни...

На фоне переживаемого нами потребительского бума с «пролетариатом потребления» во главе любая попытка дать молодёжи что-либо из ценностей «общества недопотребления» выглядит бессмысленной, не способной что-либо изменить. Но и сдвиг традиционного книгоиздания для молодёжи в сторону потребления может не успеть за переменами в сознании и не дать нужного результата. «Ножницы» между достижениями прогресса и их культурной оправданностью слишком велики. В менее подвижный в отношении моды век Достоевский писал: «Цивилизация есть, и законы её есть, и вера в них даже есть, но — явись лишь новая мода, и тотчас же множество людей изменилось бы. Конечно, не всё, но зато осталась бы такая малая кучка, что даже... ещё неизвестно, где бы мы сами-то очутились: между сдираемыми или сдирателями?»

Поскольку свобода от общества потребления вряд ли возможна, — оно сковывает человека, и лишь разум и здоровый консерватизм среднего возраста способны как-то реально противостоять ему. Наша задача — переориентировать подростка, пока это ещё возможно, на личное творчество, не освобождающее творца от цивилизационных пут (это было бы утопией), а делающее его свободным внутри самой цивилизации. Чтобы внутри цивилизации он находился в духовной безопасности. И помочь ему в этом может только книга.

Нельзя забывать, что культура (в том числе молодёжная) существует, пока она работает. Но подросток не ищет собственно культуры, — в системе ценностей она возникает лишь в процессе делания. Он пока ищет признания одним из доступных ему способов, — освобождаясь

от диктата общества, но при этом попадая под диктат инстинктов, в том числе и социальных. Его критическая ирония, использование сленга — это протест против лжи, которую мы пытаемся обратить ему во благо, заигрывая с ним, делая его на словах равным нам, а на самом деле оставляя за рамками взрослого социокультурного мира. А он, в свою очередь, не хочет знать о каких-то иных отношениях, кроме признания себя равным. В своём самообмане подросток представляет, что он такой, как все, радуется своей свободе, хотя и живёт в лоне семьи, которая его защищает. Но его всё равно, несмотря на полноценное потребительское функционирование, не признают пока равным. Порой взрослые думают, что современным подросткам нужно

Как только вы вообразите, что не в состоянии выполнить определённое дело, с этого момента его осуществление становится для вас невозможным.

Б. Спиноза

одно удовольствие — и всё. Но для развитого молодого человека гораздо важнее социальное признание. «Психологи разделяют потребности на первичные и вторичные, — констатирует в своём дайджесте исследований молодёжной субкультуры Вера Вдовиченко. — Первичные по своей природе являются физиологическими, и, как правило, врождёнными. Это потребности в пище, воде, воздухе, безопасности, сексе и т.п. Вторичные потребности имеют психологическую природу. Они выражаются в желаниях: власти, славы, успеха, уважения, привязанности и т.д. Вторичные потребности людей различаются в большей степени, чем первичные».

Но именно последние, как известно из «Феноменологии духа» Гегеля, разделили людей на рабов и господ на заре цивилизации. Господами, по мнению йенского философа, стали те, для кого потребность признания оказалась сильнее страха смерти, иными словами, те, для кого вторичные потребности оказались сильнее первичных. На заре цивилизации люди с доминантой

вторичных потребностей получали всегда меньше того, чем жертвовали, и, разумеется, того, на что надеялись. Современный молодой человек ради признания также может жертвовать многим, он экстремал и не очень-то дорожит своей жизнью и здоровьем. Но его риск столь же мало оправдан, как и риск его предков. Воровство вещей из бутика ради «прикола», а на самом деле ради признания, завоёвывает внимание сверстников на день, не более. Или он готов, например, ради завоевания многочисленных друзей в Интернете (дабы они все включили его в френд-ленту) часами читать и комментировать их высказывания. Время, потраченное на столь «плодотворное» общение, разумеется, потеряно впустую — все «френды» исчезнут, стоит ему только выйти из Сети.

Молодой человек готов пожертвовать жизнью, чтобы войти ради того же «прикола» в другую реальность, и становится наркомагом. Обвинять во всём реальность — просто. Однако подлинное становление личности как раз и происходит в преодолении и преобразовании реальности. Те, кто сумел избежать наркотиков, очевидно, внутренне, интуитивно, поняли, что наличная реальность не исчерпывает всех человеческих возможностей. Они не захотели ограничивать себя ни рамками реальности «здорового общества», ни тем более рамками той «реальности», которую дают наркотики. Они открыты переменам и стремятся превзойти себя.

Не получая устойчивого социального признания, молодые люди закрепляют за собой свободу выбора «быть не такими». И свободу

подлинного выбора они заменяют возможностью купить самую «навороченную» технику и изъясняться на языке, на котором совершенно невозможно выразить ни полноценной идеи, ни внятной мысли.

Всё это так далеко от реальности, что можно говорить о некоей секте, объединяющей подростков всего мира, выбравших единого бога, наиболее полно выражающего их недовольство собственной социальной незрелостью. В эту общину единоверцев они не пускают чужих. И взрослые, пытающиеся навязать им свои идеалы, обречены на неудачу. Стыдно, когда они начинают говорить об этих идеалах на сленге, чтобы быть понятыми и принятыми в молодёжной среде.

Прав всё-таки Достоевский, призывавший взрослых говорить с детьми серьёзно и обо всём. Ведь и язык подростков, и вся «навороченность» их субкультуры — лишь атрибуты несчастного сознания, не способного получить желанный общественный статус, который мы, взрослые, уже давно получили и которым давно уже не дорожим. Единственная возможность разрушить это несчастное сознание — войти в его сферу, но серьёзно, как к равным, — и осветить её изнутри настоящей литературой и настоящей жизненной философией. Всё это уже выработало человечество. И нет смысла подросткам оставаться в своих заблуждениях, а нам, взрослым, подыгрывать им в этом. **В.Ш**